

АРКАДИЙ ЧЕВТАЕВ

 <https://orcid.org/0000-0002-6844-8560>

Российский государственный гидрометеорологический университет
Кафедра русского языка и литературы
192007 Санкт-Петербург
Рижский проспект, 11
achevtaev@yandex.ru

СТИХОТВОРЕНИЕ А. ЛАДИНСКОГО *АРГОНАВТЫ*: РЕЦЕПЦИЯ МИФА И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА

ANTONIN LADINSKY'S POEM "THE ARGONAUTS": RECEPTION OF A MYTH AND LITERARY SYMBOLS

В статье рассматривается поэтика еще не исследованного стихотворения Антонина Ладинского *Аргонавты* (1926), представляющего собой авторскую интерпретацию античного мифа. Анализ данного поэтического текста показывает, что акцентированное в его структуре совмещение реалий античности и русской действительности превращает изображаемое «аргонавтическое» плавание в символическое восхождение к духовным вершинам универсума. Художественная символика, определяющая логику нарративного развертывания стихотворения, эксплицирует оппозицию «жизнь – смерть» в их ценностном единстве и продуцирует идеологему преобразования бытия. Формулируется вывод, что «аргонавтический» миф в стихотворении сопряжен с онтологическими и историософскими исканиями поэта и утверждает необходимость не только достижения идеала («золотого руна»), но и осознания его ценностной сущности.

Ключевые слова: А. П. Ладинский, «аргонавтический» миф, лирический нарратив, мифопоэтика, художественная символика.

The article deals with the poetics of Antonin Ladinsky's under-researched poem "Argonavty" ("The Argonauts", 1926), which represents the author's interpretation of the ancient myth. The analysis of this poetic text shows that the emphatic combination of elements of ancient reality and Russian reality turns the depicted "Argonautic voyage" into a symbolic ascent to the spiritual heights of the universe. The artistic symbolism, which determines the logic of the narrative development in the poem, explicates the opposition between life and death in their axiological unity and produces the ideologeme of the transfiguration of being. The conclusion is that the "Argonautic" myth in the poem is associated with the poet's enquiry in the sphere of ontology and philosophy of history; it postulates the need to achieve not only the ideal (the "golden fleece"), but also the awareness of its axiological essence.

Keywords: Antonin Ladinsky, myth of the Argonauts, narrative poetry, mythopoeia, literary symbols.

Поэтическое творчество А. П. Ладинского, представителя «первой волны» эмиграции и участника «парижской ноты» в 1920-е – 1940-е гг., являет особый художественный универсум, в котором на первый план выдвигаются рафинированные образы романтически идеализируемого мира, существующего по законам театрализованного действия. Именно эмоциональная возвышенность и бутафорская театральность лирики поэта отмечались эмигрантской критикой 1930-х годов, в целом высоко оценивавшей его творчество. При этом авторское сознание А. Ладинского оказывается сосредоточенным на вскрытии драматизма бытийных противоречий, определяющих самополагание человека в миропорядке, и стремится к их преодолению.

В настоящее время лирика А. Ладинского все еще остается практически не исследованной, и литературоведческий интерес к его творческому наследию пока проявляется на уровне рассмотрения биографических и контекстуальных связей с другими участниками «парижской ноты»¹ и отдельных граней художественного мира, связанных с географической тематикой². Вместе с тем, творчество поэта, демонстрирующее смысловую насыщенность, очевидно нуждается в детальном и всестороннем изучении как уникальное явление русской поэзии первой половины XX в., сформировавшееся в процессе рефлексивного освоения поэтических традиций и активного участия в литературной жизни Русского Парижа.

Художественная концепция А. Ладинского и ее смысловые константы отчетливо проявляются уже в первой книге стихов поэта *Черное и голубое* (1930). Состоящая из двух разделов и включающая 42 стихотворения, книга обнаруживает единство лирической рефлексии и идеологическую целостность. При всем образном и сюжетном разнообразии включенных в его состав текстов, *Черное и голубое* обладает последовательно разворачиваемым сверхсюжетом, в котором каждое стихотворение оказывается определенным этапом или событийной гранью постижения сущности миропорядка. Аксиологический каркас освоения универсума здесь задается цветовой символикой, эксплицированной в заглавии и определяющей направленность исканий

¹ О. А. Коростелев, *Лирический театр Антонина Ладинского*, [в:] А. П. Ладинский, *Собрание стихотворений*, вступит. ст. и примеч. О. А. Коростелева, Москва: Викмо-М, Русский путь 2008, с. 5–22.

² А. А. Арустамова, «Новая Америка» А. Блока и А. Ладинского, «Артикульт» 2017, № 3 (27), с. 99–105; А. А. Арустамова, М. Ю. Расторгуева, *Африка на поэтической карте А. Ладинского*, «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» 2015, № 3 (31).

лирического субъекта: «черное» и «голубое» мыслятся полюсами мироздания, к которым одновременно устремлено «я» человека.

Эта устремленность к «черному» и «голубому», «земному и небесному», постоянно тяготеющих к ценностной инверсии, концептуализирует событийную многомерность и разноплановость стихотворений А. Ладинского. Г. В. Адамович в рецензии на книгу *Черное и голубое* констатирует в ней «присутствие единой, основной темы», которая «с каждым стихотворением становится все очевиднее»³. Думается, что тематическая и идеологическая целостность книги обеспечивается инвариантным для поэта представлением о движении человека в макрокосме как о пути к гармонии земного и небесного начал. Мотив пути, являясь основой сюжетостроения и отдельных стихотворений, и книги в целом, явно мифологизируется, и реализуется в знаках освоения земной реальности как залога постижения небесных пределов мира.

Художественный универсум *Черного и голубого* населен множеством различных персонажей, под масками которых нередко выступает лирический субъект. Репрезентация ценностных исканий посредством присваиваемых «чужих» «точек зрения» обнаруживает явное родство поэтики А. Ладинского с творчеством Н. С. Гумилева и О. Э. Мандельштама, отмеченное Г. П. Струве⁴. Влияние акмеизма на лирику поэта также проявляется в плане актуализации культурных констант в качестве универсальных индексов самополагания человека в мире и их принципиальной реинтерпретации, посредством которой формируется индивидуальное видение бытия.

В этом отношении особый интерес представляет стихотворение А. Ладинского *Аргонавты*, написанное в 1926 году и включенное в первый раздел книги *Черное и голубое*. Эксплицируемое здесь осмысление одновременно и онтологического родства земного и небесного начал, и их трагического расподобления сопрягается, с одной стороны, с жадной обретения подлинной целостности миропорядка, а с другой – с проживанием драматизма бытийного пути к конвергенции микрокосма и макрокосма.

В предлагаемой статье мы обратимся к рассмотрению рецепции античного мифа в стихотворении *Аргонавты* сквозь призму художественной символики, вскрывающей концептуальные представления поэта о бытийном самоопределении человека. В данном тексте поэт обращается

³ Г. В. Адамович, <«Черное и голубое» А. Ладинского. – «Стихи и проза» В. Диксона>, [в:] он же, *Собрание сочинений. Литературные заметки, Кн. 1.* («Последние новости» 1928–1931), предисл., подгот. текста, сост. и примеч. О. А. Коростелева, Санкт-Петербург: Алетей 2002, с. 434.

⁴ Г. П. Струве, *Русская литература в изгнании*, Париж: YMCA-Press, Москва: Русский путь 1996, с. 229.

к мифологической истории о плавании древнегреческого героя Ясона и его спутников в Колхиду за золотым руном, которое должно было даровать ему царственное величие. Однако античный сюжет о странствии аргонавтов у А. Ладинского существенно трансформируется и становится источником поисков лирическим субъектом подлинной экзистенции в многомерном универсуме.

Итак, в первой строфе стихотворения репрезентируются изначальные условия существования лирического субъекта в моделируемой реальности:

За ледяным окном, в глухие зимы,
 Лучиной озаря темный день,
 Мечтали мы о море и о Риме
 В сугробах непролазных деревень⁵.

Изображаемый мир локализуется в пространственно-временных координатах Русского Севера, что свидетельствует о переводе античного мифа в символический план. В пейзажных знаках актуализирована «зимняя» семантика, вскрывающая принципиально важную для художественной концепции *Черного и голубого* смысловую константу: именно северная зима в стихотворениях книги символизирует Россию, практически всегда предстающую в ее допетровском, исконном облике и обладающую исторической загадочностью (Ср.: «Скорей, скорей – все дальше! Зимней стужей / Мечту вздувает ветер. Снег валит. / Из снеговой стихии неуклюжей / Огромная страна ко мне летит» (*Стихи о Московии*, 1926) (31); «В плену у льдов стеклянных, / С десятком фонарей – / Архангельск деревянных / Бревенчатых церквей, // Полночный мир сугробов, / Мехов и тучных рыб, / Большой любви до гроба / Среди айсберговых глыб» (*Архангельск*, 1930) (37)). «Зимняя» неподвижность существования России посредством оппозиции «свет – тьма» («лучиной озаря темный день») сопрягается с жаждой бытийного преобразования. «Мечта о море и о Риме», определяющая ценностные стремления русского человека, задает одновременно историософский и онтологический векторы смыслообразования: желание приобщиться к европейской культуре и раздвинуть земные пределы универсума. «Море» и «Рим», аксиологическое родство которых для лирического субъекта подчеркнуто их аллитерационным созвучием, предстают символом идеального мира, тяготение к которому инспирирует движение человека в макрокосме.

⁵ А. П. Ладинский, *Собрание стихотворений...*, с. 39. Далее цитаты из произведений А. П. Ладинского приводятся по данному изданию с указанием в скобках номера страницы.

Как видно, в начале стихотворения эксплицирована присущая поэтике А. Ладинского в целом субъектная автопрезентация в облике лирического «мы». Лирический субъект, срастаясь с множественностью других, отождествляется и с русским народом, мечтающим об ином бытии, и с аргонавтами, стремящимися достичь аксиологической вершины миропорядка. Начало этого «аргонавтического» пути к счастью изображается во второй строфе, в которой повествуется о приготовлении к плаванию:

Мы строили большой корабль, и щепы
Под топором вскипали, как вода,
Мы порохом грузили сруб нелепый –
Мы отлетали в вечность навсегда (39).

Постройка корабля как коллективное деяние уподобляется зодческому мастерству, что указывает на родство поэзии А. Ладинского с акмеистическими представлениями о зодчестве как онтологическом акте пересотворения универсума, воплощенными в частности в «архитектурных» стихах О. Мандельштама. Создание корабля обнаруживает черты сакрального действия: «сруб нелепый» предстает не просто судном, а проводником в иные области бытия, тождественные вечности. Ключевые в мифопоэтической символике знака «корабль» значения «выхода в открытое море жизни» и «пересечения вод смерти»⁶ наделяют его статусом своеобразного храма, дающего возможность приблизиться к подлинной сущности мироустройства, о чем сигнализирует актуализация движения по пространственной вертикали: «Мы отлетали в вечность навсегда».

Невозвратность и необратимость такого движения к вечности в третьей строфе маркирована изображением прощания с родным пространством: «Ревели девки, бабы голосили. / – Ну, дуры, ничего! – Отдай концы! / – Салют! – И в пушечном дыму поплыли / Глаза, как голубые леденцы» (39). Стоическое принятие отправляющимися в плавание героями выбранного пути, противопоставленное эмоциональному надрыву покидаемых ими женщин, маркирует ценностную необходимость их движения к «морю и Риму». При этом «голубой» цвет женских глаз, запечатлеваемых в памяти русских «аргонавтов», подчеркивает мессианское значение их ухода в неведомый мир, так как в символике книги А. Ладинского «голубое» связано с обретением небесного бессмертья посредством перехода границы между «этим» и «тем» мирами (Ср.: «Среди кораблекрушений / Поэт сравнил // И бытие земное / С ладьей не раз / В бессмертье голубое / Влачившей нас» (*Корабль*, 1927 (35)).

⁶ Дж. Купер, *Энциклопедия символов*, Москва: Золотой век 1995, с. 148.

В четвертой и пятой строфах стихотворения усиливается нарративность сюжетного развития. Повествователь сообщает о первом этапе плавания, осуществляемом еще в знакомом пространстве и маркированном встречами с людьми, являющими собой родной мир Русского Севера: «Сначала шли по рекам, а навстречу / Ползут ладьи. Народ кричит с ладей: / Куда плывете? – Мы в слезах: – Далече! / Прощайте! Отлетаем в эмпирей!» (40) Мотивы разрыва связей с прежней реальностью и устремления в инобытие придают плаванию характер не столько движения в горизонтальном направлении, сколько перемещения по вертикали, актуализируя оппозицию «земля – небеса». Переход в «эмпирей», являющийся истинной целью пути героев, при всей жажде его обретения, вызывает тоску по оставляемой прошлой жизни. Драматизм плавания русских «аргонавтов» индексируется реакцией тех, кто остается в пределах привычного мира: «И видим, крестятся они со страху, / Скребут в затылках, смотрят в облака, / А ветер кумачовую рубаху / Раздул у рулевого мужика» (40). Страх, вызванный сознанием величия «аргонавтического» пути, подчеркивает избраннический статус героев, решившихся достичь бытийного идеала, что маркировано природным знаком «ветер», который традиционно олицетворяет «живое дыхание вселенной» и «нечто неосязаемое, преходящее, неуловимое и бестелесное»⁷ и в данном случае оказывается проводником в неведомый эмпирей.

В шестой строфе обнаруживается поворот в сюжетном развертывании текста, сопряженный с пересечением границы привычной реальности и выходом в чужое пространство:

Глядим – и море! В сырости колючей
 В тулупах зябнут плечи северян.
 Корабль шумит. Высокий лес дремучий –
 Искусство корабельное селян (40).

«Море», мечта о котором сподвигла героев отправиться в плавание, предстает областью соприкосновения материального и духовного начал бытия. В мифопоэтике данный знак символизирует «динамические силы и переходные состояния между стабильностью [...] и бесформенностью»⁸ и одновременно обозначает и вечную жизнь, и хаос, угрожающий поглотить человека. Соответственно, выход в открытое море осмысляется как расширение бытийного горизонта на пути к познанию подлинной сущности мира. Вновь эксплицированный в структуре текста «корабль», творение

⁷ Дж. Купер, *Энциклопедия символов...*, с. 35.

⁸ Х. Кирло, *Словарь символов*, Москва: Центрполиграф 2010, с. 301.

северных мастеров, противопоставляется морскому пространству как антиномия жизни (родного) и смерти (иногo) в их неизбежном родстве. При этом поморские кормчие испытывают искушение отказаться от истинной цели пути. В седьмой строфе повествователь актуализирует реалии древнегреческого мифа: «Ах, нас манили песенкой сирены / И подбирали нежные слова. / Нырлял дельфин. Над розовой пеной / Кружилась с непривычки голова» (40). Появление сирен, обнаруживающее событийную инверсию относительно мифологического сюжета (в его традиционной версии сирены угрожают Ясону и его спутниками на обратном пути из Колхиды, после обретения золотого руна), индексирует соблазн профанной смерти, не приводящей к единению земного и небесного. Морская стихия влечет аргонавтов своим ложным умиротворением, которое символизирует «розовый» цвет, традиционно связанный с плотскими и чувственными желаниями⁹. В то же время «розовая пена» обнаруживает семантическое родство с цветовой символикой в поэзии Н. Гумилева, где «розовый» одновременно является и знаком близкой гибели, и атрибутом неземного счастья (Ср.: «Пусть высоко на розовой влаге, / Вечереющих горных озер / Молодые и строгие маги кипарисовый сложат костер»¹⁰; «Ведь не домик в Галилее / Вам награда за труды, – / Светлый рай, что розовее / Самой розовой звезды»¹¹). У А. Ладинского «аргонавтическая» жажда обретения полноты бытия требует отказа от легкости «розовой» смерти ради обретения высшего ценностного смысла – «моря и Рима».

Преодоление соблазнов ведет к столкновению с хтонической ипостасью морского пространства. В восьмой и девятой строфах, отмеченных усилением событийной динамики лирического нарратива, обнаруживается подлинная граница между жизнью и смертью. «Море» подвергает «аргонавтов» инициации борьбой с неведомым врагом:

И вдруг – труба запела. Черным валом
Метнулся океан в ночную высь.
И, побледнев, мы стали к самопалам:
Ну, начинается, теперь держись! (40)

Чувство тревоги, определяющее здесь психологический план «точки зрения» лирического субъекта, поддерживается метрически: семантический ореол 5-стопного ямба, которым написано рассматриваемое стихотворение,

⁹ Там же, с. 465.

¹⁰ Н. С. Гумилев, *Полное собрание сочинений: в 10 т.* Т. 1: *Стихотворения. Поэмы (1902–1910)*, сост. Ю. В. Зобнин, Москва: Воскресенье 1998, с. 186.

¹¹ Там же, с. 277.

складывается из ощущений взволнованности и смятения¹². Именно в этой точке сюжетного развертывания текста эксплицируется ключевое событие повествования – открытое соприкосновение с мортальным полюсом бытия, которое маркировано апокалиптическими коннотациями «пения трубы». Актуализированная пространственная вертикаль, по которой к эмпирию («ночной выси») устремляется морской хаос, порождает идеологему постижения небесной области миропорядка лишь в акте смерти. Соответственно, «аргонавтическое» движение человека в горизонтальной плоскости морского пространства оборачивается его вертикальным восхождением к небу, и сражение, в которое вступают поморы-аргонавты, обнаруживает семантику избывания собственной телесно-земной природы: «Как ахнем их двенадцатидюймовых – / Все дыбом! На ногах стоять невмочь! / Ревели топки. И в дождях свинцовых / Мы погибали в эту злую ночь» (40). Прохождение героев через «ночную» смерть мыслится онтологической инициацией – обретением знания о единстве земного и небесного начал.

Однако истинный смысл сражения раскрывается в десятой строфе стихотворения, в которой результатом победы над враждебными силами моря оказывается преодоление страха небытия: «Но таяли армады, как виденья – / Вот, думаем, отбились кое-как! / Свернем-закурим! В сладком упоеньи / Кружился розовый архипелаг» (40). Исчезновение враждебных «армад», одолеваемых посредством волевой устремленности к идеальному бытию, открывает перед аргонавтами сакральную цель их плавания. Так как «путь всегда ведет к чаемому центру [...] в мифопоэтическом аксиологическом пространстве»¹³, такой сердцевиной здесь предстает «розовый архипелаг», конвенционально принадлежащий потусторонней реальности и достигаемый только в результате прохождения сквозь смерть.

Приближение к искомой мечте, сюжетно развертываемое в одиннадцатой строфе, маркируется солярной символикой, сопряженной с представлениями о «высшей космической силе»¹⁴, обеспечивающей целостность миропорядка:

О солнце, суждено нам плыть! В пучину
Лететь! И вот уже дубы растут,
И на дубах сусальную овчину
Драконы огненные стерегут (40).

¹² М. Л. Гаспаров, *Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика*, Москва: Фортуна Лимитед 2000, с. 174.

¹³ В. Н. Топоров, *Пространство и текст*, [в:] *Текст: семантика и структура*, Москва: Наука 1983, с. 260.

¹⁴ Дж. Купер, *Энциклопедия символов...*, с. 310.

Актуализация знака «солнца» как высшего поводыря для тех, кто стремится преобразить универсум, сближает рецепцию «аргонавтического» мифа в стихотворении А. Ладинского с художественным мировидением символистов, которые, как констатирует А. Ханзен-Лёве, «видят в самих себе новых аргонавтов, устремляющихся к “золотому руну”»¹⁵. Именно «солнце» становится бытийным маяком для символистских аргонавтов, как, например, в поэтическом диптихе А. Белого *Золотое Руно* (1903), в котором солярный смысл искомой цели обеспечивает человеку возможность прозрения вселенского абсолюта. Однако если в поэтике символизма солнечная символика «аргонавтического» мифа укорена в религиозно-мистический контекст смыслопорождения, то у А. Ладинского «солнце» является эмпирическим проводником человека на пути к желаемому счастью и символизирует торжество жизни над миром смерти.

Кульминационным событием в структуре сюжета является приближение к «золотому руну», сопряженное с актуализацией античного мифа посредством знаков «дубы» и «огненные драконы»: «золотое руно» хранилось на дубе в колхидской роще Ареса, где его «стерег [...] страшный змей»¹⁶. В поэтической интерпретации мифа А. Ладинским подчеркнута множественность «дубов» и «драконов», что продуцирует онтологический смысл «аргонавтического» плавания: каждый из русских «аргонавтов» должен испытать силу своего духа и лично преодолеть итоговое препятствие на пути к идеалу. Универсальная символика «золотого руна» связана с устремлением человека «к высшей силе духа путем обретения чистоты души», так как «овца является символом невинности, а золото олицетворяет высшую силу духа и славу»¹⁷. Поэтому для достижения мировой гармонии необходимо не только преодолеть смерть, но и быть способным постичь духовные вершины мира.

«Аргонавты» А. Ладинского остаются поморскими селянами, что акцентировано «ролевой» «точкой зрения» лирического субъекта: «золотое руно» он воспринимает как «сусальную овчину» и не сознает ее сакральной ценности, и поэтому мечта о «море и о Риме» остается недостижимой. Невозможность подлинного обретения «золотого руна» обнаруживает принципиальное расхождение рецепции данной мифологической константы А. Ладинским и О. Мандельштамом. В мандельштамовском стихотворении *Золотистого меда струя из бутылки текла...* (1917) «руно»

¹⁵ А. Ханзен-Лёве, *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика*, Санкт-Петербург: Академический проект 2003, с. 690.

¹⁶ *Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т.*, под ред. С. А. Токарева, Москва: Советская энциклопедия 1991, т. 1, с. 99.

¹⁷ Х. Кирло, *Словарь символов...*, с. 373.

замещается присвоением культурного опыта античности и ценностным уплотнением времен и пространств: «Золотое руно, где же ты, золотое руно? / Всю дорогу шумели морские тяжелые волны, / И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно, / Одиссей возвратился, пространством и временем полный»¹⁸. В *Аргонантах* же констатируется разрыв между реальностью и идеалом, который помимо онтологического смысла обнаруживает историософский вектор мировосприятия А. Ладинского.

«Сусальная овчина» являет собой не только расподобление земного и небесного измерений миропорядка, но и аксиологическую разность русского и европейского видения мира. Поморы, стремящиеся к Риму как средоточию античной культуры и порожденной ею европейской модели универсума, не могут постичь его сущностные основания, сохраняя свой, исконный взгляд на бытие. Такое противопоставление русской и европейской точек зрения утверждается в двенадцатой, финальной, строфе, в которой из ранее единого лирического «мы» выделяется герой, иронически результирующий искания «русских аргонатов», не способных понять сущность «золотого руна»:

А капитан смеется: – Мореходы!
Эх, вы, «овчина», мужичье! Руно!
Не корабли вам строить, а колоды,
Сивуху вам тянуть, а не вино... (41).

Капитан поморских мореходов предстает здесь носителем европейского мировидения и констатирует профанный итог «аргонатического» пути русских северян. Ценностно возвышаясь над своими спутниками, он обретает статус поводыря, ведущего народ к мировой гармонии в европейском культурном пространстве. Проблема исторического движения России в художественной идеологии А. Ладинского решается неоднозначно. С одной стороны, эмигрантский контекст жизни поэта продуцирует его тоску по русской действительности и сакрализацию России, а с другой – осознание глубины европейской культуры порождает жажду понять и принять ее систему ценностей. Желая избежать конфликтное противостояние славянофильства и западничества, А. Ладинский в сфере историософской рефлексии, так же как и в области онтологических исканий, стремится к конвергенции русского и европейского мировидения. Однако, как «земное» и «небесное», взаимообуславливая друг друга, не достигают

¹⁸ О. Э. Мандельштам, *Собрание сочинений: в 4 т.*, сост. П. Нерлер, А. Никитаев, Москва: Арт-Бизнес-Центр 1993, т. 1, с. 128.

окончательного единства, так и исторический путь России остается иным в сравнении с европейским. Так, в первоначальном варианте *Аргонавтов*, опубликованном А. Ладинским в эмигрантском журнале «Воля России» и существенно отличающемся от окончательной редакции, представлен совершенно иной финал, акцентирующий именно историософский смысл поисков «золотого руна» и утверждающий невозможность единения русского и европейского мышления:

Ведь мы, как навигаторы Ясона / Плыдем тысячелетья напролет, / Эллада – наше дорогое лоно, / Россия – наш «Арго», а груз – народ... // [...] И радио – возвышенной волною – / Гудит, как на полях тяжелый шмель, / Мы слышим, кто-то плачет над Москвою, / Антенною поскрипывает ель: // – Куда б не занесла вас непогода, / Я всюду с вами на пути морском... – // А мы, какие мы уж мореходы, / Мы слезы вытираем рукавом (282–283).

В итоговом варианте, как видно, текст завершается утверждением «точки зрения» героя-капитана, представляющего новым Ясоном и постигающего смысл чужого (европейского) мира. Такой финал актуализирует онтологическое измерение рецепции плавания аргонавтов: обретение «золотого руна» как идеального центра мироздания требует осознания глубинного родства своего и чужого, жизни и смерти, реальности и мечты, «черного и голубого». Соответственно, «аргонавтический» миф в восприятии А. Ладинского предстает лирическим повествованием не об обретении идеала, а об извечном стремлении к мировой гармонии.

Таким образом, поэтика стихотворения *Аргонавты* раскрывает ключевые параметры художественной концепции книги А. Ладинского *Черное и голубое*, в основе которой находится поиск возможности соединения земного и небесного начал. Совмещение реалий античного мифа и исконной русской действительности обуславливает смысловую трансформацию движения героев (северных мореходов), в результате которой «аргонавтическое» плавание в эмпирическом пространстве земного мира превращается в символическое восхождение к небесным вершинам миропорядка, обязательным условием которого мыслится приближение к смерти. Художественная символика, продуцируемая такими знаками, как «зима», «корабль», «море», а также цветовыми характеристиками изображаемой реальности («голубой», «розовый» и «черный»), и определяющая логику нарративного развертывания текста, способствует экспликации соприкосновения витальной и мортальной областей мироздания. Однако постижение смерти в концепции А. Ладинского само по себе не приводит к достижению небесного идеала и требует духовного возвышения над

привычными (земными) ценностями. Носителем такого конвергентного сознания предстает капитан «аргонавтов» (новый Ясон), способный преодолеть разобщенность бытийных полюсов универсума и избыть его антиномичность. Другие же мореходы, с которыми отождествляет себя и лирический субъект, ментально привязаны к традиционному укладу жизни и поэтому не сознают онтологической сущности «золотого руна».

Предлагая собственную версию «аргонавтического» мифа, А. Ладинский констатирует глубинное расщепление земного и небесного начал и вскрывает в нем не только онтологический, но и историософский смысл. Недостижимость мировой гармонии в *Аргонавтах* сопряжена не только с противоположностью бытийных полюсов мироздания, но и с принципиальной разностью русского и европейского миропонимания, что также не дает возможности добыть «золотое руно», то есть воплотить в действительность идеал.

В данном стихотворении поэтическая рецепция мифа о плавании аргонавтов сопрягается с концептуальной реализацией магистральной в творчестве А. Ладинского мифологемы движения к подлинному раю и утверждает необходимость не только его достижения, но и умения постичь идеал в качестве ценностной вершины миропорядка.

References

- Adamovich, Georgiy V. <"*Chernoe i goluboe*" A. Ladinskogo. – "Stikhi i proza" V. Diksona>. In: *Sobranie sochinenii. Literaturnye zametki. Book. 1. ("Poslednie novosti" 1928–1931)*, ed. O. A. Korostelev. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2002: 433–440.
- Arustamova, Anna A. "«Novaya Amerika» A. Bloka i A. Ladinskogo". *Artikult.* No. 3 (27) (2017): 99–105.
- Arustamova, Anna A., Rastorgueva, Mariya Yu. "Afrika na poeticheskoi karte A. Ladinskogo". *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya.* No. 3 (31) (2015): 68–76.
- Gasparov, Mikhail L. *Ocherk istorii russkogo stikha. Metrika. Ritmika. Rifma. Strofik.* Moskva: Fortuna Limited, 2000.
- Gumilev, Nikolay S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* Vol. 1. *Stikhotvoreniya. Poemy (1902–1910)*, ed. Yu. V. Zobnin, Moskva: Voskresenye, 1998.
- Hansen-Löve, Aage A. *Russki simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskii simvolizm. Kosmicheskaya simvolika.* Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt, 2003.
- Kirilo, Khuan. *Slovar simvolov.* Moskva: ZAO Tsentrpoligraf, 2010.
- Korostelev, Oleg A. *Liricheskiy teatr Antonina Ladinskogo.* In: Ladinskiy, Antonin P. *Sobranie stikhotvoreniy*, ed. O. A. Korostelev, Moskva: Vikmo-M, Russkii put, 2008: 5–22.
- Kuper, Dzhordzh. *Entsiklopediya simvolov.* Moskva: Zolotoy vek, 1995.
- Ladinskiy, Antonin P. *Sobranie stikhotvoreniy*, ed. O. A. Korostelev, Moskva: Vikmo-M, Russkii put, 2008.
- Mandelstam, Osip E. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* Vol. 1, ed. P. Nerler, A. Nikitaev, Moskva: Art-Biznes-Tsentr, 1993.

Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2 t. Vol. 1, ed. S. A. Tokarev. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1991.

Struve, Gleb P. *Russkaya literatura v izgnanii*. Parizh: YMCA-Press; Moskva: Russkii put, 1996.

Toporov, Vladimir N. *Prostranstvo i tekst*. In: *Tekst: semantika i struktura*, ed. T. V. Tsivyan. Moskva: Nauka, 1983: 227–284.